

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

УДК 910.1, 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-182-199

ЛАНДШАФТНАЯ И ТЕКСТУАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

«Бывают странные сближенья...»

А. С. Пушкин

Каганский В. Л.

Институт географии Российской академии наук

119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ концептуальной культурной антропологии ландшафта.

Процедура и методы. В работе использованы теоретико-географическая морфология культурного ландшафта, семиотическая культурология Ю. М. Лотмана, понятия глоссематики. Ландшафт трактуется тройко: как компонент, проективный тест и модель культурного пространства и культуры как таковой.

Результаты. Рассмотрено бытование культуры в ландшафте, ландшафтный статус культуры и культурный статус ландшафта. Морфология культурного ландшафта интерпретирована и как морфология культурного пространства, и как его модель. Развернута методологическая метафора «чтение ландшафта».

Теоретическая и/или практическая значимость. Опасности фрагментации культуры состоят не столько в тривиальных для культуры семиотических «неприятностях», локальных разрывах и лакунах, утрате даже существенных компонентов, трудностях перевода компонентов и множестве локальных локусов семантического хаоса за счёт непереваемости, взаимной аннигиляции смыслов на границах, неуместных затоках, сколько в разрыве между самими слоями культуры.

Ключевые слова: культура, ландшафт, морфология, план выражения, план содержания, пространство, смысл

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФГБУН ИГ РАН «Оценка физико-географических, гидрологических и биотических изменений окружающей среды и их последствий для создания основ устойчивого природопользования» FMGE-2019-0007-AAAA-A19-119021990093-8.

LANDSCAPE AND TEXTUAL PRESENTATION OF CULTURE

"There is a strange coincidence sometimes..."

A.S. Pushkiin

V. Kagansky

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
Staromonetnyi per. 29-4, Moscow 119017, Russian Federation.*

Abstract

Aim. We analyze the conceptual cultural anthropology of the landscape.

Methodology. Use is made of theoretical and geographical morphology of the cultural landscape, semiotic culturology of Yu. M. Lotman, and concepts of glossematics. Landscape is interpreted in three ways as a component, a projective test and a model of cultural space and culture as such.

Results. The existence of culture in the landscape, the landscape status of culture and the cultural status of the landscape are considered. The morphology of the cultural landscape is interpreted both as the morphology of cultural space and as its model. The methodological metaphor "reading the landscape" is developed.

Research implication. The theoretical significance lies in the final conclusion of the work: the dangers of culture fragmentation consist in the gap between the layers of culture rather than in semiotic "troubles" trivial for culture, local gaps and lacunae, loss of even essential components, difficulties in translating components and a multitude of local loci of semantic chaos due to untranslatability, mutual annihilation of meanings at borders, and inappropriate flows.

Keywords: culture, landscape, morphology, plan of expression, plan of content, space, meaning

Acknowledgments. The work was performed within the framework of the State Task of the Federal State Budgetary Institution of the IG RAS "Assessment of Physical, Geographical, Hydrological and Biotic Changes in the Environment and Their Consequences for Creating the Foundations of Sustainable Environmental Management" FMGE-2019-0007-AAAA-A19-119021990093-8.

Введение

Понятие «культурный ландшафт» фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте, единство природных и культурных компонентов. Мир земной поверхности – сплошной многослойный покров, а не множество отдельных объектов на безразличном или враждебном фоне. Культурный ландшафт – целостное образование, в этом термине, понятии и явлении

«культура» и «ландшафт» соединены не механически. Научное понятие «культурный ландшафт» нейтрально; «культурный» здесь – связанный с культурой, а не «положительный». Культурный ландшафт соотносится с природным. Такой ландшафт – единство пространственных тел, форм, функций и широко понятых культурных смыслов – обитаемое и освоенное утилитарно, ценностно и символически пространство, земное тело культуры [2]. Культурный ландшафт

трактуются согласно российской школы теоретической географии¹. Для простоты и экономии места понятие «культурный ландшафт» передано термином «ландшафт», для чего есть и содержательные основания [4].

Культура являет себя и в пространстве. Ей присущи пространственные самоописания, часто нормативные, продукты рефлексии, целеполагания, самообольщения и прочее. Культура буквально живёт в пространстве, выделяя привилегированные локусы и образы; именно они манифестируют «достижения» этой культуры, её лицезувую сторону, то, чем культура хочет казаться. Но территориально, по объёму эта «парадная сторона» ничтожна. Остальное существенно преобладающее пространство – презентация культуры, не нормированная эстетической, этической, художественной, ценностной, политической и т. д. рефлексией, своего рода изнанка, представленная почти исключительно культурным ландшафтом. Ландшафт – ненормативная презентация культуры; её постижение представляет и трудность, и ценность – как радикально иной источник знаний о культуре. Эти знания характеризуют весь ландшафт, и в определённом смысле и мере (неясно, какой именно) – всю культуру сплошь.

Если взглянуть на ландшафт с этой точки зрения, то возможно ли получить нетривиальное знание о культуре? Расширим представление о чтении как взаимодействии с пространством, насыщенном знаками, смыслами и значениями, тогда *возможно чтение ландшафта и чтение культуры по ландшафту*; это даёт независимые

представления о культуре, не являющиеся её самоописаниями. В данной ситуации семиотический образ чтения совсем иной: «читатель» и «текст» не разделены и не противопоставлены – читатель живёт в телесном тексте, будучи сам его компонентом. Это своего рода чтение изнутри, а не снаружи.

Осмысленное движение по семантически насыщенному ландшафтному телу культуры – путешествие, способ обретения подлинного понимания и потому и знания ландшафта [6]; путешествие – самая очевидная разновидность и приём такого чтения, но отнюдь не простая и не единственная. Ландшафт нетривиален и тем, что процессы понимания, интерпретации, представления смысла, коммуникации, рефлексии... ландшафта состоят (или существенно связаны) с изменением места (позиции) в ландшафте как интерпретируемом. Именно метафора чтения ландшафта и позволяет соотносить текстуальную и ландшафтную презентации культуры.

Для ландшафта дана не проблема преодоления субъектно-объектной пропасти, но, напротив, рефлексирования ситуации включённости в ландшафт и специфики позиций пребывания в нём. Ландшафт – «текст», автор и читатель которого живут в нём как его элементы [2].

В идеале ландшафт выглядит и смотрится как живая картина, читается как поэзия, звучит как музыка, благоухает букетом ароматов.

В силу сопряжённости всех аспектов культуры и её целостности её ландшафтный аспект является и способом представления культуры в целом – как её содержаний, так и способов устройства этих содержаний. Используя

¹ См. также иной, не противоречащий названному, подход [9].

лингвистическую терминологию, ландшафт, в первом аспекте репрезентирует план содержания культуры, во втором – форму плана выражения (понятия глоссематики [1]), пространственную явленность. Ландшафт ценностно насыщен и осмыслен – план содержания; ценностное содержание распределено закономерно неравномерно, принимая форму ценностно выделенных районов и зон, сплошь покрывающих все пространство – это формы выражения культуры в пространстве. Иначе говоря, посредством чтения ландшафта можно представить и понять, каковы именно смыслы культуры и какова их пространственная морфология; понять иначе, нежели внимая автопрезентациям культуры. Ранее я изложил результаты чтения конкретной культурной ситуации современной (последней трети века) Северной Евразии [5]. Здесь же будут предварительные замечания касательно культуры как таковой.

В настоящей работе пространство культуры и ландшафт соотносятся тroyко; в понятии ландшафта мы зафиксировали три аспекта содержания и оперирования в этой работе. Во-первых, ландшафт – компонент культуры, очевидно существенный в строгом смысле, т. е. такой, без чего культура не может существовать и потому и быть представлена в главных чертах. Принципиально, что все существенные части целого – позиции бытования и понимания этого целого [22]. Во-вторых, в силу целостности и связности культуры ландшафт – её особый проективный тест, своего рода экран, на котором наблюдаемы те смыслы и формы культуры, что «невидимы» иначе; общепризнанный «тест» и важ-

нейший экран – литература. Иначе говоря, ландшафт здесь будет позицией, точкой зрения на культуру, как содержательно, так и *семиотически-структурно*; здесь более интересен второй аспект в силу его слабой изученности. В-третьих, ландшафт в силу буквальной наблюдаемости и наличия методов и техник вторичной визуализации (картографирования) будет использован как удобная модель. Кроме того, ландшафт как модель культуры куда менее культурно/ценностно нагружен, нежели культура в обычном смысле. Изучение ландшафта – как всякое изучение – неизбежно культурно нагружено, но «слабее и «иначе», нежели семиотика культуры, искусствознание или культурная антропология.

В первом смысле речь идёт о ландшафте-1 – самостоятельном предмете и относительно автономном компоненте культуры; во втором – о ландшафте-2, позиции для культуры, её «зеркале»; в третьем – о ландшафте-3 как модели культуры, в т. ч. и для тех феноменов, где ландшафт отнюдь не зеркало и не существенная часть. Ландшафт-1 – земное тело культуры, ландшафт-2 – земное зеркало культуры, ландшафт-3 – земная карта культуры.

Сплошные ландшафтные среды

Трудность представления морфологии ландшафта обычным понятийным языком состоит во многом в том, что сам язык как дискретный легче описывает дискретные универсумы, а сплошные среды – только если для них есть математический формализм. Кроме того, для культуры и науки ландшафт экзотичен, это маловажное далёкое периферийное явление. Всюдный ланд-

шафт, вместилище культуры – её далекая периферия.

Ландшафт – сплошная среда без изъятий, лакун и пустот. Сплошность этого пространства особенно ярка при сравнении с текстом, составленным абсолютно дискретными знаками, включая пробелы. В ландшафте нет отдельностей, соответствующих знакам – но они могут быть на карте, презентующей пространство ландшафта, хотя сама карта сплошна [7]. Места как компоненты ландшафта могут соседствовать, но невозможна ситуация, когда между ними, являющимися ландшафтами есть нечто, ландшафтом не являющееся. Если места сопряжены границей, то и эта граница не иноприродна, а соприродна ландшафту, сама есть особый компонент ландшафта [2].

Морфология и семиотика сплошных сред не разработаны. Уподобление же морфологии ландшафта клеточно-тканевой структуре организмов неправомерно, поскольку в ландшафте нет аналога клетки – автономной высокоорганизованной связанной интегрированной отдельности с выраженными естественными границами. Клеточно-тканевая морфология организмов может моделировать обычный текст (учитывая его семантическую многомерность), а равно и наоборот. Есть и полноценные карты и картоиды таких структур [17], гомологичные до структурной тождественности картам и картоидам ландшафта¹. Взаимное же уподобление линейно-знакового письма

и клеточной структуры, сколько нам известно, не проводилось, как и уподобление текста ландшафту; ландшафт же часто (обычно поверхностно) уподобляем тексту. Карт текста нет! – но они заведомо возможны. Это означает «ландшафтизацию» текста, а равно и актуализацию возможности буквального путешествия по тексту вместе с актуализацией его полимасштабности и иной ландшафтоморфности.

Все составляющие культуры встречаются в ландшафте, но где же встречаются разные морфологические доктрины?

Аналогия здесь весьма существенная: и текст, и ландшафт даны и осмысливаются порциями; пример последней – текст на странице, но не абзац, аналогичный району. Абзац – единица гиперсинтаксического членения текста. Для разбиения же текста на такие презентационные порции, как страница, воспринимаемый смысл зависит от её размера и конкретики расчленения на порции, поскольку при порциях размером в одно слово (тем более в одну букву) на странице восприятие смысла текста если и возможно, то крайне затруднено, а его смысл «сдвинут». Восприятие же поэтического текста как поэтического уже невозможно. При расчленении абзацев текста на малые порции восприятие затрудняется (ср. с запретом висячих строк); характерно наличие в порции нескольких строк. С порцией сравним кадр в экранных искусствах, ситуация живописи сложнее.

«Рамочность» культурных артефактов известна; фрагмент текста на странице – порция со «слабой» рамкой. Однако текст произвольнее «нарезается» на порции при печати и

¹ Генетика разработана, в т. ч. и как семиотика генетического текста – цитология (учение о клеточно-тканевой структуре) не такова: «Пространственная организация тканей до сих пор остаётся неизвестной» [17]. Это в немалой мере относится и к ландшафту.

особенно чтении на мониторе, нежели ландшафт. Для продуктивного восприятия ландшафта и карты ландшафта размер порции должен быть достаточно велик (настенные карты); причём размер здесь тройка: истинный размер тела ландшафта, смысловой размер и размер графического экрана. Налицо обеднение картины ландшафта у поколения монитора по сравнению с «поколением бумаги». Ландшафт – сплошная пространственная среда, данная порциями в своих профессиональных и культурных презентациях, чаще и рамочно. Но эти рамки и порции не есть «членение по суставам», как говаривал про естественные членения (т. е. районирования в научной географии) Страбон. Карта же существенно рамочна.

В нашей дискретно-текстовой культуре разнообразие – это обычно различия отдельных экземпляров. Различны люди, растения, животные, слова... С. Г. Кордонский удачно назвал их «отдельностями». Разнообразие отдельных – *полиморфизм*. Разнообразие сплошной среды – *гетерогенность*. Самая большая порция ландшафта – географическая оболочка Земли как целое культурного ландшафта – антропосфера.

Резюме категорий пространственной морфологии ландшафта:

- сплошность;
- семиконтинуальность;
- окрестность;
- порционность;
- гетерогенность;
- комплексность;
- многослойность;
- масштабность;
- полимасштабность;
- анизотропность;

- районность;
- зональность;
- позиционность;
- экотональность;
- статусная детерминация [8].

Сами по себе эти атрибуты задают ещё не ландшафт (в списке нет земной телесности); это атрибуты *ландшафтоморфного пространства*.

Ландшафт – пространство, которое можно районировать, картографировать и по которому можно осмысленно путешествовать. Текст – знаковый комплекс, который можно читать, реферировать, пересказывать, переводить. Путешествие предполагает телесное связанное многоаспектно разнообразное пространство, пребывание и перемещение в котором предполагает личную эмоциональную и когнитивную активность, полисенсорное восприятие, позволяет выстраивать и проживать последовательность мест, интерпретировать среду и др.; создаёт полноценный целостный образ ландшафта/квазиландшафта [6]. Возможность путешествия – интегральный индикатор типа пространства. Чем полноценнее путешествие, тем ближе его пространство к ландшафту. Путешествие – основной для теоретико-географа способ постижения культуры путём чтения её ландшафта.

Парадоксальный ландшафт автопрезентаций культуры

Для привилегированных ландшафтных презентаций культуры (её автопрезентаций) характерны черты, скорее противоречащие сказанному о ландшафте. Дело не в различиях центров и периферии, присущих любым пространствам, что тривиально.

Особая сложность центров семиосферы подчёркивается Ю. М. Лотманом.

Презентации культуры в ландшафте, её «лицевая» сторона и основной доминирующий фон радикально структурно и семантически различны.

Для первых характерны отсутствие сплошности, представленность роем (множеством) отдельных объектов вроде дворцово-парковых ансамблей, новых театрално-музейно-развлекательных комплексов центров городов или даже целых городов с чёткими, как на планшете проектировщика, границами. Им присуща априорная заданность и нормированная ограниченность маршрутов перемещений, а равно и позиций для включения в эти локусы. Новые культурные отдельно-сти лишены сплошности и экотональности, среда высокодискретизована. Порции ландшафта фиксированы, это отдельные объекты; между ними нет переходных зон, но есть области пространства, «являющиеся ничем». Это переходная зона непривычного типа, ей присуще отсутствие сходства и связности со смежными зонами. Новые ландшафтные автопрезентации культуры дезинтегрируют ландшафт. Ландшафт локусов составлен не сплошь районами и зонами, а отдельными, преимущественно экстерриториальными объектами с преобладанием дальних, а не ближних соседских связей. Это нередко отдельные, абсолютно дискретные артефакты. Регулятивы ландшафта здесь не работают, статусная детерминация доминирует над телесной согласованностью, соседством и позиционной детерминацией, семиотические связи и расстояния существенно важнее топографических. Интерьеры существеннее экстерьеров, дело дохо-

дит до «воспроизведения» ландшафта внутри огромных закрытых помещений, вначале телесно, а потом и изобразительно.

«Культурные локусы» ландшафта и сам фоновый ландшафт устроены по-разному! Это специфика культуры как таковой? «Высокая культура» экстерриториальна? В схеме автора «Центр – Провинция – Периферия – Граница» Провинция больше прочих зон отвечает представлению о ландшафте; в зрелых ландшафтных и культурных системах именно провинция составляет подавляющую территориально и функционально зону. Отвечает это и добротной провинциальности самого понятия «ландшафт», выработанного, сколько можно судить, именно в зоне провинции; глубоко провинциальна и сама наука о ландшафте в своих лучших проявлениях (в массовых – периферийна).

Яркие парки, особенно старые [12], отчётливые презентации культуры явно обладают лишь отдельными чертами ландшафта. Они более семантосимволически насыщены, и притом явно; семантика же элементов собственно ландшафта неясна даже для большинства артефактов. Но эти парки «неландшафтные»: а) заведомо неповсеместны; б) не арена всей человеческой жизни, а только её культурно выделенного фрагмента для незначительной части населения или для незначительной части жизни населения; в) жёстко отграничены и даже изолированы, г) редко сочленены с соседними местами-экотонами; д) не входят в систему функциональных зон.

Здесь намечается ряд:

- собственно ландшафт;
- ландшафты типа и зоны «центр»;

– культурные локусы ландшафта (ландшафтные презентации культуры), комплексы зданий и сооружений (сюда относятся парки);

– архитектурные воплощения культуры/супертексты (храмы, музеи, библиотеки и др.) с особым культурным статусом¹;

– интерьерные комплексы;

– собственно тексты.

Во-первых, это упорядочение по линии: ландшафт в целом – его компоненты – элементы – не связанные непосредственно с ландшафтом артефакты – знаковые комплексы. Во-вторых, это буквально размерный ряд от Земли в целом до книги. В-третьих, это упорядочение по отношению телесного включения. В-четвёртых, каждое следующее звено уступает предыдущему по полноте ландшафта, но превосходит по «моделирующей» силе; каждое последующее звено моделирует и семиотически воспроизводит предыдущее. В-пятых, это масштабный спектр относительно человека – вначале масштаб уменьшающий, далее возможно взаимодействие человека с вмещающей средой непосредственно в масштабе 1:1, далее масштаб увеличивающий. В-шестых, это ряд замещения телесности знаковостью, повышения семиотичности; атрибуты ландшафта замещаются атрибутами вначале вещественно-знакового, а далее собственно знакового текста, слабо зависящего от материала тела знаков; телесно-ландшафтная обусловленность вначале

дополняется, а далее замещается семиотической. С этим связан переход от территориальности к экстерриториальности. В-седьмых, материал плана выражения, предельно телесный и существенный в первых звеньях ряда нарастающее становится и нетелесным и несущественным в конце ряда. Наконец, в ряду растёт рефлексивность.

Текст и ландшафт оказываются предельно-полярными звеньями одного ряда, обнаруживающими общность именно в силу полярности. Если теоретически продолжить этот ряд, то ландшафту предшествует Вселенная, мир текстов завершается Книгой о творении Вселенной (в авраамитской ойкумене), то есть ряд замкнут.

Семиотика текстуальной и ландшафтной презентации культуры

Пространство ландшафта, с точки зрения его формально-математических свойств, изучено совершенно недостаточно, и можно только высказать некоторые предположения. Во-первых, оно неметрично в строгом смысле, поскольку в силу анизотропности расстояния и траектории движения центру или от центра не совпадают. Атрибутивная для метрического пространства аксиома треугольника также в общем случае не выполняется. Эта аксиома гласит, что длина двух сторон треугольника всегда меньше длины третьей стороны. Она предполагает однородное изотропное пространство, каковым пространство ландшафта не является. Разные типы ландшафта обладают разными типами метрических структур – функций, связывающих координаты местоположения и меру удалённости (обобщённое расстояние).

¹ Яркий Музей землеведения МГУ, профессиональная презентация Земли как многообразия её компонентов/ландшафтов использует самые разные семиотические средства, что указывает на нелинейность и многомерность ряда.

Представление текста, форма его плана выражения отнюдь не линейны. Возьмем обыкновенную книгу или текстовый файл. Текст для чтения разбит на строки и страницы, набран определённым шрифтом. Здесь число знаков в строке и число строк оказываются существенными параметрами, как и тип шрифта. Можно ли читать текст, если на каждой странице только один знак? – ведь ничего не меняется в плане содержания. А если это традиционный поэтический текст? Появляется второе измерение и ещё одно характерное направление – не вдоль текста, а, так сказать, поперёк, ортогонально.

Постепенно выясняется, что наличие явные и яркие различия почти до полярности между текстом и ландшафтом «послойно» – в планах содержания и в планах выражения. Однако спатIALIZация и кВАЛИТАТИВИЗАЦИЯ («опространствование и качественнизация») при переходе от плана выражения к плану содержания линейного текста и/или его реальному представлению делает его в определённой мере сходным с ландшафтом. Заметим – текст с предельно простым планом выражения (независимые от размера и формы порций и способа передачи знаков представления) используется не людьми, а в межкомпьютерной коммуникации. Но намеченное движение в сторону изысканности текста (каллиграфия, многомерность, графически выражаемый ритм и т. п.) приводит нас к текстам, каковые принято относить к произведениям искусства.

Линеаризация смысла, перевод «континуальный ↔ дискретный» – наверное, труднее и сложнее, чем перевод линейных текстов на иной язык; он чреват большими утратами. Такой «букваль-

ный перевод» влечёт существенную семантическую фрагментаризацию, если только он не сопровождается введением новых, не тождественных по буквальному значению, но функционально эквивалентных компонентов. В нелинейной сплошности ландшафта и тем его «непереводимости» на линейный язык коренится его периферийно-непознанное положение в линейно-текстовой культуре, а от ультрасовременной экранно-клиповой субкультуры ландшафт отличает телесность, данность куда большими порциями и возможностью путешествовать буквально и виртуально.

Мир культуры, по-видимому, куда более непрерывен и сплошен, нежели отдельные тексты; в свою очередь, представляющие мир ландшафтов сплошные семиотически однородные картографические «тексты» осплошняют и уплощают цветущее неоднородное разнообразие ландшафтов [3; 7; 10; 21]. Ф. де Соссюр указывал на непрерывность речи как носителя содержания в смысловом отношении [18], В. В. Налимов специально подчёркивал континуальность мышления, противопоставляя его дискретности языка [15], Лотман провозгласил семиосферу как сплошную смысловую/знаковую сферу. Текстуальная же презентация смыслов предстаёт если не целиком дискретной, то куда более дискретной. В текстуальной культуре означаемое – сплошная смысловая «ткань», а означающее – связанные квазилинейные ансамбли дискретных семантических отдельностей-знаков (тексты).

Текстуальная презентация культуры её дискретизует. Речь идёт как об отдельных знаковых комплексах языка, так и о других формах дискретности,

представленности в виде отдельных текстов – собственно литературных текстов, визуальных и музыкальных текстов, текстов архитектурных и т. п. При всей сложности представления о тексте интуитивно дана отдельность текста (например, музыкальной композиции или живописного полотна), какими бы непрерывными они не представляли внутри своих чётких дискретных рамок. Контрпримером служит архитектура, однако архитектурные сооружения всё же чётко и ограничены и часто отграничены (здания, парки, усадьбы). Тексты даны в культуре на любом уровне не как единичные, но как семейства связанных текстов, но текстов отдельных и (нередко) маркировано семиотически отделённых один от другого (край, рамка картины, театральные занавес, границы города крепостными стенами и т. п.). Иначе говоря, план содержания культуры как супертекста континуален и сплошен, а план выражения дискретен.

Для ландшафта как выражающего культуру её компонента ситуация почти зеркальна. Ландшафт в силу сплошности есть континуальный план выражения, означающее – «его» означаемое более дискретно. Ландшафтная презентация культуры представляет её континуальной и сплошной – в ландшафте же скорее наоборот, означаемое более дискретно (комплексы отдельных объектов, слагающих ландшафт и изображаемых на обычных картах для массового пользования), а означающее континуально и сплошно. Поясним, что для обыденного/наивного сознания (во многом и сознания профессионального, особенно на первых этапах работы) ландшафт манипулятивно представлен как связанное сообщество

достаточно отдельных экземпляров минералов, почв, растений, животных, людей и пр. Для полноты картины следует сказать, что и вторичные моделирующие системы ландшафта, каковыми (пока?) являются разного рода графические «тексты» карт также обладают существенной континуальностью, нередко более выраженной, нежели собственно ландшафт, в определённой степени обладающий признаками дискретности. Карта осплошняет и континуализирует ландшафт; картографическое изображение лишено лакун, непрерывно и сплошно; докомпьютерные карты рамочны как живописные полотна [7; 11; 16], экран монитора задаёт порции картографически презентуемого ландшафта). Вторичные же моделирующие системы культуры в силу отрефлектированности и нормативности ещё более дискретны – сравним дискретность живого языка в ипостаси речи и словаря в широком смысле или синтаксической структуры [7]. Текстуальное представление культуры её дискретизует (даже фрагментирует) – ландшафтное представление осплошняет.

Воспользуемся метафорой для сравнения пространств текстуальной и ландшафтной презентаций культуры. Представим, что тексты плавно перетекают один в другой и «срослись» между собою так, что представление об отдельном единичном тексте неправомерно. Всё текстуальное пространство, каждое его место имеет смысл и значение. И означающее и означающее – не дискретные совокупности отдельных знаков, а что-то вроде облачных семантических полей. Того, что является буквально алфавитом и словарём просто нет. Однозначно выделяемых элемен-

тарных отдельностей нет, осмысленно несколько дополнительных членений. То, что соответствует словам и единицам гиперсинтаксического членения – не линейные комплексы знаков на пустом фоне, а сгустки этого самого смыслового фона. Если в обычном линейном тексте в общем простом случае очевидно различимы элементарные знаки (буквы, иероглифы, пунктуационные знаки), с одной стороны, слова – с другой, высказывания разных уровней – с третьей стороны, и различены графически явно и наглядно, то для ландшафтного «текста» ничего этого места не имеет. (В ландшафте, традиционно представляемом, – это всё районы разных типов и рангов). Такого рода мир плавно перетекающих текстов будет ландшафтоморфным пространством. Но если этот мир ограничить чёткой внешней границей, за которой пребывает внесемиотическая реальность, то мы получим семиосферу Ю. М. Лотмана, где отдельные знаковые комплексы-тексты также размыты и «сняты», как и отдельные объекты в ландшафте. «Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда всё здание будет выглядеть, как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: всё семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство,

вне которого невозможно само существование семиозиса» [13].

Но при высочайшей оценке концепта семиосферы (у В. В. Иванова, У. Эко и др.) и его популярности не сформировано представления её пространственно-морфологической структуры; не потому ли, что на семиосферу интуиция текста оказалась непереносимой? – а интуиция ландшафта отчасти переносима на семиосферу. Категории морфологии ландшафта, по-видимому, приложимы и к пространству текстов, в т. ч. и художественных текстов. Его анализу – жанру литературоведения, семиотики и пр. – явно не хватает категорий, что могут быть почерпнуты из морфологии ландшафта; даже реконструкции Ю. М. Лотмана бедноваты.

Ландшафт-3 – прототип описания иных пространств. Картина морфологии ландшафта предполагает весьма общие категории: пространство, место, масштаб, удалённость, форма, позиция, симметрия, характерное направление. Постоянно уподобляя ландшафт тексту, мы уверены и в эвристичности встречного хода – уподобления текста ландшафту, видения текста как ландшафта, – и работы с ним аналогично работе с ландшафтом. Ещё эвристичнее кажется привнесение ландшафтных интуиций, категорий и техник для постижения морфологии семиосферы, каковая очевидно закономерно структурирована, расчленена и интегрирована.

План выражения ландшафта морфологически и план содержания текста весьма сходны. Это открывает возможности для применения категорий и эвристики учения о ландшафте.

Таблица 1 / Table 1

Морфология ландшафта и морфология текста / Landscape morphology and text morphology

Атрибут	Презентация культуры	
	текст	ландшафт
Сплошность	-	+
Континуальность	-	+
Ограниченность	+	-
Пример порции	страница	лист карты
Размерность плана содержания	1 (реже 2)	3
Размерность плана выражения	2	2 (иногда 3)
Минимальное число измерений	1	2
Разнообразие единичного	гетерогенность	гетерогенность
Разнообразия множества	полиморфизм	гетерогенность
Ограниченность	-	+
Наличие базовых единиц	+	-
Число базовых единиц	конечно, определённо, немного	конечно, неопределённо много
Минимальная базовая единица	слово	место? фация?
Число базовых единиц	10 ⁵	?
Максимальная базовая единица	семиосфера	ландшафтная сфера
Естественная отдельность	ед. гиперсинтаксич. членения	район
Масштаб	?	+
Число уровней схематизации	7±2	7±2
Переходные зоны	-	+
Границы	+	+
Число расчленений	немного	много
Позиционность	+	+
Реферат	текст	схема

Источник: составлено автором

Что мы узнаём о культуре, читая ландшафт?

То, чем культура предстаёт в ландшафте – её глубинная суть? Эпифеномен? Ландшафтная модель – ландшафт-2 – трудно описывает текст (означающее) и куда лучше – культурную среду (означаемое). Культура для себя предстаёт текстом и презентует себя универсумом текстов (в самом широком смысле не только текстов

собственно языка); посредством земного тела культуры мы узнаём о культуре иное¹; вопрос в том, существенное или несущественное, знание о ядре культуры или её периферии и т. д. Точного ответа нет, но вопрос осмыслен и важен.

¹ Картографические семиотические тексты (тексты «языка карты») занимают здесь особое, не только промежуточное положение.

Культура представлена в ландшафте преимущественно разнородными комплексами. Если культура «для себя» упорядочена систематически, *парадигматически*, то ландшафт – *синтагматика* культуры. Иначе и проще говоря, первое – это своего рода вертикаль с соотнесёнными отдельными разными слоями, второе – горизонтальное пространство смежностей локусов разного смысла и ценности. Допустимо сравнение. Язык может быть описан в некоторой идеализации как словарь семантических единиц и правил их сочетания; текст же нечто иное, но язык живёт в текстах, в мире связанных текстов живёт и культура. В ландшафте же культура – не лексика и правила, а нетривиальный текст и, скорее даже, палимпсест.

Отдельности культуры «полурасворены» в ландшафте, это сплошная пространственно немонотонная презентация культуры. В ландшафте рядом, по горизонтали, в соседстве встречаются такие отдельности культуры, культурные тексты и смыслы, которые в «самой культуре» находятся далеко, никогда не смежно, на разных «ярусах и этажах».

Утончённые глубокие постановки серьёзного театра с элегантно публикой соседствуют с венерическими болезнями соответствующего диспансера, дешёвым супермаркетом с толпящимися людьми, современной многоярусной транспортной развязкой на берегу реки, где в закоулках ютятся бомжи (конкретный пример Москвы) [14]. То, что в культуре отдельно и далеко, в ландшафте может быть близко и вместе. Систематически-иерархическое пространство культуры не слишком отчётливо воплощается и

выражается в ландшафте. Культура современного типа оказалась не в состоянии разместиться в ландшафте так, какой она мыслит себя в идеальном пространстве норм, чувств, смыслов и ценностей. Аристократичная вертикально-иерархичная культура пребывает в ландшафте в демократической горизонтали. Рассогласование налицо.

Земное и нормативно-идеальное пространство культуры резко различны. Может быть, культура и в состоянии навязать себя обществу, но она не в состоянии навязать себя пространству, если не выдвинуть почти кощунственное для пуриста высокой культуры предположение, что намеченная примером коллажность и есть сама суть современной культуры, её новая парадигма, эпистема. Это не означает случайности, и подобные «комплексы» вполне объяснимы. Глядя из ландшафта, можно полагать, что культура презентует одни смыслы своей парадигматикой, но буквально даны в синтагматике коллажных комплексов совершенно иные смыслы, каковые трудно даже описать.

Или это означает несущественность конкретных местоположений объектов культуры, несущественность самого ландшафтного пространства – но против этого предположения говорит довольно чёткая картина соразмещения культурных данностей в мелком масштабе, в ландшафте России на уровне страны в целом и её больших частей [5; 19; 20; 23]; по-видимому и Европы. Чёткую зональность «размещения культуры» в одном масштабе сопровождает картина фрагментарно-мозаичного размещения в ином, буквально более близком человеку масштабе; вряд ли надо вопрошать

об истинном масштабе. Но упомянутые выше локусы автопрезентации культуры создали вокруг себя ландшафтные ореолы-ареалы, да и социальный статус всё большей доли мест в пространственной среде постмодерна произведен от культурного (и экологического) статуса; это своего рода статусно-культурная детерминация. Общая картина неясна и неоднозначна...

Приведём теперь более связный перечень раскрытия культуры в ландшафте:

- «реальное» воплощение единства/фрагментированности культуры как собирательной системы;
- согласованность и рассогласованность элементов и компонентов культуры;
- априорное фазовое и апостериорное ландшафтное пространство культуры;
- культурогенные ландшафтные комплексы;
- ожидаемые и неожиданные сосуществования культурных данностей;
- ожидаемые и неожиданные контрасты и контексты;
- апостериорные комплексы культурных артефактов;
- единство и дезинтеграция культурных комплексов;
- сплошность и мозаичность бытования культуры;
- расчленённость и единство ландшафтного пространства культуры;
- априорные и апостериорные культурные границы;
- редкие художественно-эстетические консонансы – частые диссонансы;
- соответствие (несоответствие) идеальному пространству культуры и ландшафту;

– ландшафт высвечивает бытование культуры и своём реальном пространстве;

- быстрое расширение типов культурных статусов мест;
- создание и реализация новых культурных статусов мест как средство и приём ревитализации (городской) среды.

Налицо острая проблема понимания, опознания, исследования, представления, реконструкции той среды и её «логики», где и пребывает культура в ландшафтно-телесном воплощении, если не понимать культуру как исключительно идеальную сущность. Налицо проблема детерминации ландшафтного бытования культуры как структуры семиосферы.

Заключение

В современной российской культуре налицо несомненный, очень значительный разрыв означаемого и означающего; это ценнейшее наблюдение высказано Г. В. Лютиковой¹. Именно это и есть предельная форма фрагментированности как утраты и целостности и сплошности культуры при формальном сохранении её атрибутов – жанров, стилей, норм и т. п.; утрата целостного смысла со всем верою последствий. Опасности фрагментации состоят не столько в тривиальных для культуры семиотических «неприятностях», локальных разрывах и лакунах, утрате даже существенных компонентов, трудностях перевода компонентов и множестве локальных локусов семантического хаоса за счёт непереводаемости, взаимной аннигиляции смыслов на границах, неумест-

¹ Устное сообщение; благодарю за продуктивные обсуждения темы.

ных затоках – сколько в разрыве между самими слоями культуры. Для ландшафта ровно то же самое: проблема – во враждебной несогласованности форм его природного и культурного компонентов и культурных компонентов между собою.

Культурное выражение этого антагонизма, разрыва слоёв и культуры и

ландшафта – буквально наблюдаемая в ландшафте при полевых исследованиях (в особой технике путешествования [6]) пространственная невменяемость населения, даже в особо ценных экологически и культурно уникальных местах – например [6].

Пространство/ландшафт – невидимые зеркала культуры.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ. Ю. К. Лекомцева // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. М., 1960. С. 117–136.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
3. Каганский В. Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. М.-Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.
4. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62–70.
5. Каганский В. Л. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. М.: Институт Стрелка, 2017. 40 с.
6. Каганский В. Л. Путешествие теоретика // География и туризм. 2018. № 1. С. 33–44.
7. Каганский В. Л. Неметафора: феноменология картографического изображения // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 217–244.
8. Каганский В. Л. Очерк феноменологии культурного ландшафта // Одушевлённый ландшафт / ред. А. С. Белорусец, С. В. Березин. СПб: Алетейя, 2022. С. 11–22.
9. Калуцков В. Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
10. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
11. Крылов М. П. Региональная идентичность населения Европейской России / М. П. Крылов // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 3. С. 266–277.
12. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 469 с.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, Александра, 1992. 479 с.
14. Михайлов А. А., Фатехова А. Х., Молодцова В. А. Восприятие и репрезентация московской периферии (пример района Ясенево) // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 59–72.
15. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
16. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
17. Савостьянов Г. А. Тканевые модули как основа теоретической гистологии // Вестник

- Тверского государственного университета. Серия: Биология и экология. 2008. Вып. 9. С. 234–246.
18. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
 19. Стрелецкий В. Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: Научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1. С. 48–78.
 20. Тюнен И. Изолированное государство. М.: Издательство газеты «Экономическая жизнь», 1926. 329 с.
 21. Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. СПб, 1910. 212 с.
 22. Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М.: Радио и связь, 1982. 152 с.
 23. Streletsky V. N., Gorokhov S. A. Cultural Geography in Russia in the Early 21st Century: Current State and Key Research Areas // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12. № 1. P. 67–79.

REFERENCES

1. Elmslev L. [Prolegomena to the theory of language]. In: Zvegintsev V. A., comp. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1960, pp. 117–136.
2. Kagansky V. L. *Kulturnyi landschaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 576 p.
3. Kagansky V. L. [Natural-state landscape of Northern Eurasia: theoretical geography]. In: [Socio-economic geography: traditions and modernity]. Moscow-Smolensk, Oikumena Publ., 2009, pp. 78–100.
4. Kagansky V. L. [Cultural landscape: basic concepts in Russian geography]. In: *Observatoriya kultury: zhurnal-obozrenie* [Observatory of Culture: Review Journal], 2009, no. 1, pp. 62–70.
5. Kagansky V. L. *Kak ustroena Rossiya? Portret kulturnogo landshafta* [How is Russia organized? Portrait of a cultural landscape]. Moscow, Institut Strelka Publ., 2017. 40 p.
6. Kagansky V. L. [Journey of the theorist]. In: *Geografiya i turizm* [Geography and tourism], 2018, no. 1, pp. 33–44.
7. Kagansky V. L. [Nemetaphor: phenomenology of the cartographic image]. In: *Logos* [Logos], 2022, vol. 32, no. 6, pp. 217–244.
8. Kagansky V. L. [Outline of the phenomenology of the cultural landscape]. In: Belorusets A. S., Berezin S. V., eds. *Odushevlonnyi landschaft* [Animated landscape]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2022, pp. 11–22.
9. Kalutskov V. N. [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 1, pp. 57–69.
10. Kalutskov V. N. *Landschaft v kulturnoi geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2008. 320 p.
11. Krylov M P [Regional identity of the population in European Russia]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 79, no. 3, pp. 266–277.
12. Likhachev D. S. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of gardens. On the semantics of landscape gardening styles. Garden as a text]. Moscow, Soglasie Publ., 1998 469 p.
13. Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: v t. T. I. Stati po semiotike i tipologii kultury* [Selected ar-

- ticles: in 3 vols. Vol. I. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Alexandra Publ., 1992. 479 p.
14. Mikhailov A. A., Fatekhova A. Kh., Molodtsova V. A. [Perception and representation of the Moscow periphery (an example of the Yasenevo district)]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [City Research and Practice], 2019, vol. 4, no. 2, pp. 59–72.
 15. Nalimov V. V. [Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality]. Moscow, Prometei Publ., 1989. 287 p.
 16. Rodoman B. B. *Territorialnye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoi geografii* [Territorial areas and networks. Essays on theoretical geography]. Smolensk, Oikumena Publ., 1999. 256 p.
 17. Savostyanov G. A. [Tissue modules as the basis of theoretical histology]. In: *Vestnik Tverskogo universiteta. Seriya: Biologiya i ekologiya* [Bulletin of the Tver State University. Series: Biology and ecology], 2008, iss. 9, pp. 234–246.
 18. Saussure F. de. *Ouvrages sur la langue* (Rus.ed.: Kholodovich A. A., transl. *Trudy po yazykoznaniiyu*). Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p.)
 19. Streletsky V. N. [The concept of a cultural landscape in world cultural geography: Scientific origins and modern interpretations]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspects], 2019, no. 1, pp. 48–78.
 20. Thünen I. *Izolirovannoye gosudarstvo* [Isolated State]. Moscow, Publishing house of the newspaper «Economic Life», 1926. 329 p.
 21. Tyan-Shansky V. P. *Gorod i derevnya v Yevropeyskoy Rossii Ocherk po ekonomicheskoy geografii* [City and Village in European Russia. Essay on economic geography]. St. Petersburg, 1910. 212 p.
 22. Shreider Yu. A., Sharov A. A. *Sistemy i modeli* [Systems and Models]. Moscow, Radio and communication, 1982. 152 p.
 23. Streletsky V. N., Gorokhov S. A. Cultural Geography in Russia in the Early 21st Century: Current State and Key Research Areas. In: *Regional Research of Russia*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 67–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каганский Владимир Леопольдович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела физической географии и проблем природопользования, Институт географии РАН;
e-mail: kaganskyw@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir L. Kagansky – Cand. Sci. (Geography), Senior Researcher, Department of Physical Geography and Environmental Management, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences;
e-mail: kaganskyw@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Каганский В. Л. Ландшафтная и текстуальная презентация культуры // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 182–199.
DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-182-35

FOR CITATION

Kagansky V. L. Landscape and textual presentation of culture. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 182–199.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-182-199